

к науке, передали им культурный, в том числе и персональный или персонифицированный, код. То, что этот код, несмотря ни на что, сохранился, блистательно продемонстрировало с умом и сердцем организованное в апреле 1994 года торжество по поводу 80-летия Психологического института РАО. Это был настоящий праздник Духа, объединивший психологов многих поколений, принадлежащих к различным направлениям, течениям и школам нашей многострадальной, грешной и прекрасной науки. Науки, которая переживала не только нормальные в логике ее развития и вызванные имманентными причинами кризисы, но и вызванные внешними причинами катастрофы¹¹.

Этот праздник состоялся в освященных в 1914 году, обретающих свой первоначальный вид стенах Психологического института, в которых, несмотря ни на что, сохранялся дух и душа его создателей. Юбилей, на котором сотни психологов, не только москвичей, вновь переполнили auditorium maximum, способствовал оживлению нашей памяти, пробудил дорогие воспоминания. Он способствовал также нашему осознанию себя как принадлежащих прежде всего отечественной психологии и культуре. Слава Богу, психологи перестают разбрасывать камни и начинают их собирать...

В 1933 году А. Платонов написал в записной книжке: «Страна темна, а человек в ней светится». Вот об этом свечении я помнил и старался не вспоминать имена людей, которые гасили это свечение, мешали (и мешают!) развитию психологии. Бог им судья.

¹¹ Зинченко В. П. Кризис или катастрофа: о недавнем прошлом и неведомом будущем психологии / Психология и новые идеалы научности («круглый стол») // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 4–10.

Алексей Николаевич Леонтьев: от генезиса ощущений к образу мира

Алексей Николаевич Леонтьев — один из моих учителей. Моя память о нем насчитывает более шестидесяти лет. Важной частью его многогранной научной деятельности была психология личности. Он развивал и отстаивал гуманистическую и оптимистическую идею самосозидания и самостановления личности, полемически заостряя ее против концепций, рассматривающих личность как продукт биографии и, тем самым, оправдывающих фаталистическое понимание судьбы человека. Согласно А. Н. Леонтьеву, личность способна воздействовать на свое собственное прошлое, что-то переоценивать, что-то отвергать в себе, она способна сбрасывать с себя груз собственной биографии. Личность должна быть понята не как результат механического на-слаивания внешних влияний и собственных поступков, а *как то, что человек делает из себя, утверждая свою человеческую жизнь.*

Если продолжить намеченную А. Н. Леонтьевым линию рассуждений относительно статуса и функций психики и личности, то мы придем к следующим заключениям. Психика представляет собой средство выхода за пределы наличной ситуации, средство, обеспечивающее не ситуативное, а разумное, «полнезависимое», свободное поведение. Точно также и личность представляет собой средство преодоления поля или, точнее, пространства деятельности, средство свободного выбора одной из них или построения новой. Личность самого А. Н. Леонтьева формировалась в эпоху необыкновенного взлета российской культуры первых десятилетий XX века. И он сам, и многие его сверстники, коллеги и соратники сохраняли характерные черты взрастившей и вскормившей их культуры. Это выражалось и в их трудах. Хотя, конечно же, А. Н. Леонтьеву, как и многим другим, приходилось сбрасывать груз своей биографии. Возможно, точнее будет сказать, — не сбрасывать, а утаивать, упрятывать его, маскировать фигурами умолчания, витиеватым, порой, эзоповым языком, несправедливыми оценками «буржуазной реакционной психологии», идеологизированной фра-

зеологией, навязанным цитированием трюизмов и нелепостей. Все эти формы психологической и социальной защиты не проходили бесследно и создавали новый груз биографии, становились, если и не убеждениями, то схематизмами сознания, оседавшими не только в рефлексивных, но и в ценностных и даже бытийных его слоях.

Причудливое соединение до- и послереволюционных культурных хронотопов породило экстраординарную личность Алексея Николаевича. В нем совершенно неправдоподобно для советского времени сочетались, казалось бы, трудносовместимые качества: таланты педагога и ученого-исследователя (тонкого экспериментатора, теоретика, практика). Он был лидером одной из самых авторитетных научных психологических школ нашей страны, добровольно и охотно принятым ее участниками. Как организатор науки, он обладал гегелевской «хитростью ума»: редким даром сотрудничества с очень непростой партийной и государственной властью, которую он называл «инстанциями». Благодаря высокой интеллектуальной культуре и обаянию он был безоговорочно принят и признан международным психологическим сообществом, в том числе такими его деятелями, как Ж. Пиаже, Дж. Брунер, П. Фресс, Ж. Нютгин и др. Его научные достижения и усилия в организации и развитии психологии в нашей стране общеизвестны и неоспоримы. Ниже я остановлюсь лишь на одной проблеме из многих, занимавших его многие десятилетия.

Первые работы, посвященные изучению, процессов восприятия А. Н. Леонтьев начал проводить в середине 1930-х годов, будучи уже зрелым ученым, и на протяжении своей дальнейшей научной биографии он неоднократно обращался как к экспериментальным исследованиям зрения, слуха, осязания, так и к теоретико-методологическим проблемам исследования чувствительности и перцепции. Несмотря на то, что параллельно с этими исследованиями (и в промежутках между ними) А. Н. Леонтьев работал во многих областях психологии, его интерес к перцепции был достаточно устойчивым. При всем разнообразии сенсорных модальностей, которые он изучал, и при всем разнообразии методов, которые он использовал, его работы в области восприятия характеризуются единством замысла. Реконструкция этого замысла представляет большой теоретико-методологический интерес.

Для понимания мотивов, которые побудили А. Н. Леонтьева обратиться к проблеме генезиса чувствительности, полезно напомнить ситуацию, сложившуюся в те годы в школе Л. С. Выготского. Само Л. С. Выготского больше всего интересовала проблема генезиса и строения сознания. На ее решение были направлены проводившиеся Л. С. Выготским исследования высших психических функций, таких как эмоции, воображение, мышление, речь. В этом же направлении

двигался под руководством Л. С. Выготского и Леонтьев, осуществляя первые исследования внимания и памяти. Эта концепция психики уже тогда охватывала разные области психологической науки и приобретала все более определенные очертания. Впоследствии она получила наименование деятельностной. В этой концепции начал складываться и новый категориальный аппарат. Деятельность, предметность, опосредствованность, орудийность, смысл, значение, общение стали рабочими понятиями культурно-исторической концепции психики. Как показала дальнейшая эволюция школы Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, А. Н. Леонтьева, этими исследованиями была заложена содержательная программа изучения высших психических функций, реализация которой продолжается до настоящего времени. На этом фоне могло показаться удивительным обращение А. Н. Леонтьева к новой для него тематике генезиса чувствительности и возникновения ощущений. На самом же деле оно свидетельствовало о широте и единстве замысла запланированного в те годы цикла исследований. А. Н. Леонтьев прекрасно понимал всю сложность и значение решения проблемы генезиса чувствительности для любой психологической теории и рассматривал тот или иной вариант ее решения как пробный камень, важнейшее условие плодотворного развития собственной психологической концепции. А она к тому времени начинала не только приобретать все более определенные очертания, в ней уже проглядывал новый категориальный строй мышления ученого. И само по себе применение этого нового понятийного аппарата к проблеме происхождения чувствительности, отчетливо обнаружившееся не только в исследовании, но и в формулировании гипотезы, было беспрецедентным в истории мировой психологии.

Наступление на эту проблему началось широким фронтом. Здесь и продолжающиеся исследования онтогенеза и особенностей поведения некоторых видов животных. В экспериментах ставилась задача выявить зависимость этих особенностей от экологических условий существования данного вида, от образа его жизни и деятельности (эксперименты Ф. В. Басина, И. Г. Диманштейн, А. В. Запорожца, И. Н. Соломахина и др.). Наконец, здесь экспериментальные исследования генезиса чувствительности. Онто- и филогенез оказались завязанными в один функциональный узел: «Проблема возникновения, т. е. собственно генезиса психики, и проблема ее развития теснейшим образом связаны, <...> то, как теоретически решается вопрос о возникновении психики, непосредственно характеризует подход к процессу психического развития»¹.

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 5.

Интересен и поучителен антиредукционистский, как теперь принято говорить, ход мысли А. Н. Леонтьева. Он отвергает идеи пан-био-, нейро- и антропсихизма, ставя проблему собственных и специфических критериев чувствительности, ощущения и, соответственно, психики, по которым можно было судить об их наличии. А. Н. Леонтьев (совместно с А. В. Запорожцем) разрабатывал гипотезу, согласно которой возникновение элементарной чувствительности связано с кардинальным изменением условий жизни органических существ.

Преобразование раздражимости в чувствительность обусловлено переходом организмов от существования в гомогенной среде, «среде стихии», к жизни в среде, вещно оформленной, состоящей из отдельных предметов. Если организмы на допсихическом уровне развития жизни погружены в свою гомогенную среду и для них достаточно обладать раздражимостью по отношению к ее свойствам, имеющим непосредственное биологическое значение, то организмам, отделенным от предмета своей потребности, для овладения этим предметом необходимо ориентироваться на такие его свойства, которые сами по себе витально безразличны. Но эти свойства должны быть тесно связаны с другими жизненно значимыми свойствами, «сигнализировать» о наличии (или отсутствии) последних. Именно благодаря этому деятельность животного приобретает предметный характер, и одновременно с этим возникает в своем зачаточном виде специфическая для психики форма отражения предмета, обладающего взаимосвязанными свойствами (витально значимыми и сигнализирующими о них), т. е. имеющего смысл. Соответственно такому пониманию сущности рассматриваемого процесса А. Н. Леонтьев определяет чувствительность (способность к ощущению) как раздражимость по отношению к воздействиям, которые соотносят организм с другими воздействиями, ориентируют живое существо в предметном содержании его деятельности, выполняя сигнальную функцию. Теперь, зная уже дальнейшую эволюцию взглядов А. Н. Леонтьева, мы можем утверждать, что он, решая проблему возникновения психики, шел от мира (условий жизни), суживая его при формулировании своей гипотезы до предмета потребности. В этом, кстати, лежат корни впоследствии высказанного им положения о том, что мотив — это предмет, поскольку он несет в себе и значение, и смысл, равно как и корни интереса к проблеме образа мира, о которой еще речь будет впереди. В этой работе замечательно то, что через деятельность выводится само возникновение психики в филогенезе. Это открыло возможность построения логически и исторически непротиворечивого ряда: развитие (изменение) мира — развитие

деятельности, развитие психики. Следует специально подчеркнуть, что А. Н. Леонтьева всегда интересовало именно развитие психики, т. е. логика и история развития событий, в которых она могла бы возникнуть или измениться, а не сам «акт творения». Поэтому он никогда всерьез не обсуждал проблему начала, примата, первичности.

Много позже А. Н. Леонтьев писал о том, что «всякая деятельность имеет кольцевую структуру: исходная афферентация+эффекторные процессы, реализующие контакты с предметной средой, коррекция и обогащение с помощью обратных связей исходного афферентирующего образа. <...> Иначе говоря, осуществляется двойной переход: предмет—процесс деятельности и переход деятельность—ее субъективный продукт»². Экспериментальная проверка и дальнейшее развитие этой гипотезы, построенной на основании содержательного оперирования достаточно абстрактными объектами, составило важнейшую главу в творчестве А. Н. Леонтьева. Он провел, сначала в Харькове (совместно с В. И. Асниным), а затем в Московском институте психологии, исследование, в котором с помощью разработанной им методики в искусственных условиях воспроизводили процесс превращения неощущаемых раздражителей в ощущаемые (процесс возникновения у человека ощущения цвета кожей руки). Это исследование, интересное и само по себе, имеет принципиальное теоретическое и методологическое значение для развития психологической науки. А. Н. Леонтьев окончательно отказывается от натуралистического и эмпирического понимания предмета психологического исследования. Если при изучении памяти еще сохранялась оппозиция: натуральная — культурная (опосредованная) память, то в случае исследования процесса возникновения цветоощущения левый член этой пары отсутствует вовсе.

Предметом исследования стал отсутствующий (лишь теоретически возможный) объект — некоторое возможное новообразование, новая реакция на среду. Успех этого исследования объясняется тем, что его методика одновременно была и теоретической схемой, сконструированной на основе оперирования содержательными абстракциями. Неслучайно А. Н. Леонтьев называл собственный метод исследования каузально-генетическим. Этот метод послужил впоследствии прототипом и основанием для развития генетико-моделирующего метода, ряда новых гипотетико-дедуктивных экспериментальных схем и методов проектирования различных видов деятельности, в частности, трудовой. Не излагая результатов этого достаточно хорошо известного исследования, отметим лишь не-

² Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 86.

которые наиболее важные для дальнейшего изложения моменты, связанные с авторской интерпретацией результатов.

Во-первых, возникновение чувствительности и появление ориентировочной реакции возможны лишь в условиях активного действия в поисковой ситуации. Описание поискового действия соответствует последующим описаниям сенсорных и перцептивных действий, изучавшихся сотрудниками А. Н. Леонтьева на другом материале, хотя он сам не использовал эти термины применительно к цветоощущению кожи. Этому, видимо, помешала далекая от очевидности и в наши дни связь между движением и восприятием цвета даже в сфере зрительного восприятия. Заметим, что и в цикле исследований звуковысотного слуха А. Н. Леонтьев также не пользовался этими терминами из-за неспецифичности связей между действием вокализации и слухом. Тем не менее, результаты исследования цветоощущения кожи составили необходимый подготовительный этап для формулирования в последующем известной гипотезы о механизме чувственного отражения — гипотезы уподобления³.

Во-вторых, внимание А. Н. Леонтьева к процессу формирования способности к ощущению, ее генетическим корням и источникам, связанным с предметной деятельностью, с необходимостью привело к тому, что он и сам полученный результат, т. е. ощущение, стал рассматривать как имеющий достаточно сложное строение и несущий вполне определенные специфические функции. А. Н. Леонтьев сближает ощущение с восприятием, определяя его как чувственный образ объективного свойства, выполняющий «именно в этом своем качестве специфическую функцию ориентирования и только вместе с этим также функцию сигнальную»⁴. Это означает, что ощущение трактуется как предметное отражение, имеющее собственное значение в деятельности организма. Такая трактовка вполне может рассматриваться как прототип значительно позже возникшего понятия «предметного значения».

В-третьих, выполненное исследование дало первые основания для последующего введения в психологию категории функциональной системы или функционального органа нервной системы, в том смысле, в котором эту категорию использовал А. А. Ухтомский. Сам А. Н. Леонтьев в качестве иллюстрации вновь сформированных функциональных органов использовал затем результаты исследования цветоощущения кожи.

Таким образом, мы видим, что в своей докторской диссертации, частью которой было это исследование, А. Н. Леонтьев дал ориги-

³ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972.

⁴ Там же. С. 172.

нальную трактовку первых этапов чувственного познания, введя в него в качестве необходимых элементов активность, предметность, опосредованность и осмысленность. Свое принципиальное звучание и значение эта трактовка приобрела в теоретических и экспериментальных исследованиях, выполнявшихся в послевоенные годы. Нельзя забывать и того, что найденное решение проблемы возникновения психики позволило расширить подходы к деятельностному пониманию не только фило-, но и онтогенеза психики.

Общий смысл новой трактовки механизмов чувственного познания А. Н. Леонтьев видел в противопоставлении ее рецепторной концепции ощущения, которая, получив свое отражение в стимульно-реактивных концептуальных схемах, не преодолена до настоящего времени и в ряде концептуальных схем современной когнитивной психологии. Свою трактовку механизмов чувственного отражения А. Н. Леонтьев развивал на основе рефлекторной концепции ощущений И. М. Сеченова — И. П. Павлова, не оставаясь, однако, в ее границах. Как в ранних, так и в более поздних работах А. Н. Леонтьева имеются многочисленные указания на своеобразие его трактовки ощущений по сравнению с той, которая представлена в рефлекторной концепции. Было бы интересно и поучительно сопоставить параллельно высказывавшиеся соображения и сомнения в непосредственной приложимости рефлекторной теории к анализу ощущений и более широко — субъективных явлений, да и психики вообще. Такие соображения высказывались А. А. Ухтомским, Н. А. Бернштейном, А. Н. Леонтьевым, и во многих пунктах они созвучны как между собой, так и отдельным высказываниям самого И. П. Павлова. Выше уже указывалось на то, что, развивая рефлекторную концепцию ощущений, А. Н. Леонтьев ввел в нее свой категориальный аппарат и тем самым далеко вышел за ее пределы. Положительный пафос своей концепции он вслед за И. М. Сеченовым видел в том, чтобы вскрыть «происхождение ощущений как психического явления, детерминированного предметной действительностью»⁵. Эту проблему, в общей форме поставленную еще Спинозой, А. Н. Леонтьев решил, вводя категории отражения, развития и опосредствования, ограничивая тем самым универсальность классических условно-рефлекторных схем, в том числе и принципа сигнальности.

Активность субъекта в предметной действительности выступает в форме предметной деятельности, и лишь в результате развития, формирования этой деятельности она может приобрести далеко не всегда желательный реактивный или рефлекторный характер. Поэтому

⁵ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 158.

А. Н. Леонтьева не удовлетворяла простая замена принципа рефлекторной дуги на рефлекторное кольцо. С точки зрения детерминации отражения это кольцо «разомкнуто в “точках встречи” с объектом»⁶.

Важным шагом в эволюции взглядов А. Н. Леонтьева была выдвинутая им в 1959 году гипотеза уподобления. К этому времени в рамках его школы были выполнены многочисленные исследования осязательного, зрительного, слухового восприятия, проникнутые духом формировавшегося деятельностного подхода. Зарождались представления о сенсорных, перцептивных и умственных действиях. Получили широкое распространение исследования мнемической деятельности. Другими словами, назрела необходимость обобщения обширного накопленного материала и определения перспектив дальнейшего исследования познавательных процессов. Такая работа была выполнена А. Н. Леонтьевым в ряде статей, написанных и опубликованных на рубеже 1950–1960-х годов, которые были очень плодотворными в его научной деятельности. В статьях того времени с новой силой проявилась его необыкновенная способность обсуждать и поднимать кардинальные проблемы психологии на вполне конкретном материале. В данном случае таким материалом послужили исследования Ю. Б. Гиппенрейтер и О. В. Овчинниковой⁷: экспериментальный анализ системного строения восприятия высоты звука.

Опираясь на исследования осязания и зрения, А. Н. Леонтьев предложил содержательную расшифровку тезиса об активности восприятия. Функция движений рецепторных аппаратов или моторных компонентов рецепирующей системы есть функция воспроизведения своей динамикой отражаемого свойства объекта — его величины и формы; свойства объекта посредством движений преобразуются в сукцессивный рисунок, который затем вновь «развертывается» в явление симультанного чувственного отражения. Этот механизм А. Н. Леонтьев называет механизмом «уподобления динамики процессов в рецепирующей системе свойствам внешнего воздействия»⁸. Если такое понимание активности для процесса осязания, по словам автора, почти не нуждается в обосновании, то главный вопрос состоит в том, «может ли быть распространено это понимание также и на такие органы чувств, деятельность которых не включает в свой состав двигательных процессов, контактирующих с объектом? Ина-

⁶ Там же. С. 174.

⁷ Гиппенрейтер Ю. Б. Изучение звуковысотного слуха. Канд. дис. М., 1960; Гиппенрейтер Ю. Б., Леонтьев А. Н., Овчинникова О. В. Анализ системного строения восприятия // Доклады АПН РСФСР. М., 1957–1959. Сообщения I–VII.

⁸ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 175.

че говоря, главным является вопрос о возможности рассматривать уподобление процессов в рецепирующей системе как общий принципиальный механизм непосредственно чувственного отражения природы воздействующих свойств действительности»⁹. Эта проблема занимала А. Н. Леонтьева многие годы, и он решал ее, если так можно выразиться, поэтапно. Первый вариант решения этой проблемы был предложен им в той же работе. Но, как это нередко бывает, видимо, из-за очевидности и простоты решения исследователь проходит мимо. А. Н. Леонтьев, приводя свой излюбленный пример с ощупыванием при помощи зонда, отмечает, что состав сигналов, поступающих от руки, держащей зонд, решительно меняется, как меняется и конкретная форма самого движения. «Неизменным остается только одно — отношение подобия рисунка, “снимающего” движения, форме объекта»¹⁰. Здесь имплицитно содержится предположение о необязательности наличия специфической (или, точнее, единственности вида) связи между конкретной формой движения по объекту и его отражением. Путь решения проблемы, избранный А. Н. Леонтьевым, был не менее парадоксальным, чем в случае исследования генезиса чувствительности. Как тогда была избрана сенсорная модальность (цвет), неадекватная органу рецепции (руке), так и теперь был избран один из менее «моторных» органов чувств (орган слуха) для доказательства участия моторных компонентов в восприятии, для доказательства гипотезы уподобления. Такое совпадение едва ли может быть случайным. Снова методика эксперимента полностью совпала с теоретической конструкцией. И снова были получены неоспоримые доказательства того, что в основе звуковысотного анализа лежит функциональная система процессов, «включающая в качестве необходимого и решающего компонента моторные реакции голосового аппарата в виде внешнего, громкого, или внутреннего, неслышного, “пропевания” высоты воспринимаемого звука»¹¹. А. Н. Леонтьев настойчиво подчеркивает, что моторные звенья рецепирующей системы «не просто дополняют или усложняют конечный сенсорный эффект, но входят в число основных компонентов данной системы»¹². Это, на первый взгляд, слишком сильное заявление обосновывается тем, что процесс интонирования в такой же мере адекватен отражаемому качеству звука, в какой процесс ощупывания при осязании является адекватным контуру предмета:

⁹ Там же. С. 176.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 178.

¹² Там же. С. 179.

«движения голосовых связок воспроизводят объективную природу оцениваемого свойства воздействия»¹³.

Полученные результаты и их интерпретация замечательны во многих отношениях. Отметим главные из них. Во-первых, можно сказать, что действие уподобления вовсе не обязательно должно осуществляться собственными средствами рецепирующей системы. Оно может быть осуществлено либо средствами других рецепирующих систем (ср. с исследованиями зрительно-осязательной транспозиции), либо средствами тех или иных исполнительных органов. Этим обеспечивается не только связь между органами чувств и восприятием различных, порой далеких друг от друга по своим физическим свойствам перцептивных категорий, но и связь между воспринимающими и исполнительными системами организма, создающая необходимую основу для формирования разнообразнейших и сложнейших координационных отношений между ними. Более того, детальное описание активного встречного со стороны субъекта процесса формирования звуковысотного слуха как процесса своеобразного «поиска», активной ориентировки, компарирующего анализа, установления своеобразного «резонанса» частотных сигналов, идущих от аппарата вокализации с сигналами, идущими от слухового рецептора, и есть построение, формирование «слухомоторных» координационных отношений, построение единой функциональной слухомоторной системы. Не случайно А. Н. Леонтьев, обсуждая полученные результаты, приводит высказывание Д. Мак-Кея о том, что в компарирующей системе акт познания есть акт ответа.

Было бы неправильно представлять себе дело таким образом, что А. Н. Леонтьев только перенес результаты, известные из исследований осязания, на слуховую систему и детализировал процессы, протекающие в ней под влиянием «включения» моторики. Он пришел к постановке совершенно новой проблемы, к анализу которой впоследствии он, к сожалению, почти не возвращался. Использование неспецифического для органа чувств средства уподобления заставило его предположить, что «процесс уподобления при исключении возможности внешнего практического контакта моторного органа с предметом происходит путем “компарирования” сигналов внутри системы, т. е. во внутреннем поле»¹⁴. Принятие тезиса о «внутреннем поле» как некотором пространстве, в котором происходит компарация, идентификация разномодальных образов (слухового, моторного), с неизбежностью влечет за собой вопрос о модальности итогового, результирующего

¹³ Там же. С. 180.

¹⁴ Там же. С. 182.

образа. В те годы этот вопрос перед А. Н. Леонтьевым еще не стоял. Он был увлечен идеей адекватного метода для доказательства гипотезы уподобления на других сенсорных (и в такой же степени, как слух, не моторных) модальностях. Но в последние годы он (видимо, не без влияния прежних результатов) все настойчивее повторял тезис о полимодальности и возможной амодальности образа. Соединение идей «внутреннего поля» и «амодального образа» дает решительные доказательства гипотезы уподобления и основания для трансформации в теорию уподобления как психологическую основу теории отражения. Положение об амодальности образа следует рассматривать одновременно и как основание и как следствие процесса уподобления. Образ амодален в том смысле, что он по способу своего происхождения адекватен не стимулу, а действиям субъекта в предметном мире (ср. с положением А. А. Ухтомского: «Отображение зависит от образа действия <...> в отношении событий среды»¹⁵). Разумеется, положение об амодальности образа не исключает наличия в нем на определенных этапах его формирования или актуализации вполне модальных, в том числе иконических (картинных) свойств, которые А. Н. Леонтьев предпочитал обозначать термином «чувственная ткань». Подобная интерпретация гипотезы уподобления порождает целый ряд новых интересных проблем, связанных прежде всего с формированием и функционированием «внутреннего поля», о котором писал А. Н. Леонтьев.

Расширение сферы приложения механизма уподобления вполне отвечает соображениям относительно его более узкого и более широкого значения, высказанным А. Н. Леонтьевым в последней книге: «Последнее, более широкое, охватывает также функцию включения в процесс порождения образа совокупного опыта предметной деятельности человека. Дело в том, что такое включение не может осуществиться в результате простого повторения сочетаний сенсорных элементов и актуализации временных связей между ними»¹⁶. Понятно, что в конечном счете речь идет даже не о предметной деятельности человека, но об исторически развившейся предметной деятельности человечества: «“оператором” восприятия являются не просто накопленные прежде ассоциации ощущений и не апперцепция в кантианском смысле, а общественная практика»¹⁷.

Остановимся кратко еще на одном цикле исследований, выполненных под руководством А. Н. Леонтьева В. В. Столиным и

¹⁵ Ухтомский А. А. Об условно-отражательном действии // Ухтомский А. А. Собрание сочинений. Т. 5. Л., 1954. С. 223.

¹⁶ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 66.

¹⁷ Там же. С. 69.

А. Д. Логвиненко. Они выполнялись в классической области изучения псевдоскопических эффектов зрительного восприятия, и, казалось, сама постановка этих экспериментов не содержала никакого парадокса, подобного тем, которые имели место при изучении цветоощущения и звуковысотного слуха. Но парадокс все же «состоялся», да и само исследование, выполненное на совершенно другом экспериментальном материале, с использованием других методов, представляло собой логическое продолжение предшествующих исследований восприятия, обнаруживая единство общего замысла. Парадокс состоял в том, что для решения проблемы построения «картины мира» была использована экспериментальная ситуация искаженного восприятия этого мира.

В экспериментах В. В. Столина и А. Д. Логвиненко были прослежены детали процесса адаптации (в том числе и хронической) к искажающим очкам и установлен целый ряд новых интересных феноменов. Не излагая результатов исследования, обратимся к интерпретации их А. Н. Леонтьевым: «Их действительный смысл состоит <...> в открываемой ими возможности исследовать процесс такого преобразования информации, поступающей на сенсорный “вход”, которое подчиняется общим свойствам, связям, закономерностям реальной действительности. Это — другое, более полное выражение предметности субъективного образа, которая выступает теперь не только в его изначальной отнесенности к отражаемому объекту, но и в отнесенности его к предметному миру в целом»¹⁸. Здесь мы сталкиваемся не только с инвертированным зрением. Произошла или, точнее, стала очевидной инверсия общего замысла всего цикла экспериментальных и теоретических исследований, выполнявшихся А. Н. Леонтьевым в области ощущений и восприятий на протяжении более сорока лет. Если в начале при исследовании генезиса ощущений окружающий мир был сужен, редуцирован до отдельного предмета удовлетворения потребности или даже до его отдельных свойств, то в конце этого пути А. Н. Леонтьев делает «противоположный ход». Он расширяет отдельный предмет до границ предметного мира в целом. Оказывается, что условием адекватности восприятия отдельного предмета является адекватное восприятие предметного мира в целом и отнесенности предмета к этому миру.

Становится понятным и оправданным как с научной, так и с биографической точки зрения нереализованный, к сожалению, замысел новой книги А. Н. Леонтьева, которая должна была называться «Образ мира».

¹⁸ Там же. С. 68.

Участность в бытии: Александр Романович Лурия

*А все-таки жаль, что нельзя
с Александром Сергеевичем
поужинать в Яр заскочить
хоть на четверть часа.*

Булат Окуджава

В этом году исполнилось бы 95 лет со дня рождения Александра Романовича Лурия, и уже 20 лет как его нет с нами. Когда мы думали (и нам говорили), не надо ли подождать с конференцией, посвященной его памяти, до 100-летия, то мы решили не рисковать. Пока еще есть много людей, помнящих живой голос Александра Романовича и способных найти в себе силы для организации этого замечательного, но нелегкого дела. Спасибо, что Российский Фонд фундаментальных исследований, Российский Фонд гуманитарных исследований, Институт «Открытое Общество», а также ряд других организаций поверили нам и поддержали конференцию. Наша аргументация состояла в том, что если сил не хватит, то может нарушиться связь времен и связь имен, почти неправдоподобным средоточием которых был А. Р. Лурия. Он связывал нас с Г. И. Челпановым, И. П. Павловым, Г. Г. Шпетом, Р. О. Якобсоном, Л. С. Выготским, С. М. Эйзенштейном, В. М. Мясищевым, С. Г. Левитом, Л. А. Орбели, Б. Г. Ананьевым, Э. А. Асратяном, В. М. Черниговским, П. К. Анохиным, Н. И. Гращенковым, Н. Н. Бурденко, Н. В. Коноваловым, М. Ю. Рапопортом, А. А. Маркосяном, И. А. Соколянским, Д. Н. Узнадзе, И. С. Бериташвили. Все они отдавали дань его яркому человеческому и научному таланту. Дорогого стоит, например, признание, высказанное как-то исключительным по уму и таланту Б. М. Тепловым, в том, что А. Р. Лурия талантливее его.

В молодые, еще казанские годы А. Р. Лурия переписывался с В. М. Бехтеревым и З. Фрейдом. О его обширных контактах с западными учеными многое могли бы рассказать Дж. Брунер, К. Прибрам, М. Коул.

Замечательно, что А. Р. Лурия был «лицо неофициальное», но абсолютно авторитетное, пользовавшееся неограниченным доверием. Притом, что ему принадлежит немало собственных откры-